Рождественское тепло

Рождественский зимний вечер хоть и погрузился в темноту ранней ночи, но мрачным не казался. Заснеженные улицы посёлка сверкали белизной в свете луны и фонарей. Морозный воздух сковал движение ветра, и тишина укрыла занесённые снегом дома деревни. Сквозь окна, затянутые инеем, лился тёплый свет, а из печных труб тонкими струйками поднимался еле видимый дымок.

По длинной улице, протянувшейся вдоль лесной окраины, шли дети, человек двенадцать. Они не шли, как обычно ходят взрослые - хмуро, задумчиво или торопливо, ничего не замечая вокруг. В движении детей трудно было просмотреть определённый порядок. Они то разбегались ко дворам, стучали, звали хозяев, что-то говорили им и бежали дальше, то иногда сбегались полной гурьбой к какому-либо дому. И тогда в звёздное небо неслась удивительная песня о рождённом младенце и радостное поздравление с праздником.

Вот так от двора ко двору дети ходили, бегали, смеялись радостно и пели.

Когда детская группа начала приближаться к последним домам улицы, от общей толпы, задумчиво сбавляя шаг, отделился один из мальчиков. Теперь он шёл не как ребёнок, а как взрослый, хотя на вид ему было около тринадцати лет. Отстав, он наблюдал за друзьями со стороны, хотя ещё несколько минут назад бегал со всеми и радовался, как все.

– Серёга, ты чего скис?

Теперь от смеющейся детской компании отошёл ещё один мальчик. Он подошёл к отставшему другу и бодро хлопнул его по плечу.

– Случилось что-то?– снова спросил он. – Или приморозило, а?
– Да нормально всё. Просто думаю, что дальше делать, куда идти...
– А чего думать? Дядя Витя пошёл за бусом, сейчас подъедет. Сядем в машину – и домой, в город. Улица закончилась, домов больше нет…

Сергей молча посмотрел в сторону последних дворов. За контурами крыш в бледном лунном свете слабо просматривались очертания леса, растворённого в серебристом отражении заснеженных просторов. Снова раздалось пение, и звёзды, опять ободрившись, весело замерцали в высоте.

– Кажется, последние, – неуверенно проговорил он.
– А чего тебе кажется? Родной деревни не узнаёшь? Летом только уехал отсюда и уже ему кажется?
– Костя, не язви, я хорошо тут всё помню. Только неохота идти дальше, ой, как неохота…

Лицо Сергея исказилось от напряжения. Свет лампы, висящей на столбе, сделал его ещё более бледным и уставшим.

– А чего дальше идти? Деревня-то закончилась? – не унимался Костя.
– Не совсем. Там у самого леса стоит ещё один дом… До него метров сто, может, двести. Отсюда не видно. Люди рядом не живут. Брошенные дворы, только заросшие бурьяном, а сейчас ещё и снегом завалено всё. Дорожки почти нет, потому что никто туда ходить не хочет.

Костя повернулся в сторону леса, потом посмотрел на неспокойное лицо друга и опять в сторону леса.

– А чего туда люди не ходят? Живёт там кто-то или нет? Ты так рассказал, что мне аж страшно стало…
– Да не бойся. – В голосе Сергея послышались нотки бодрости. – Особо страшного в том месте нет ничего. Просто живёт там, или, по крайней мере, до лета жила тётка одна. Ох, и противная!
– Сильно противная? – в голосе друга послышалось любопытство. Словно разговор завели за новую машину или скоростной велосипед.
– Не то слово, – Сергей утвердительно покачал головой, да так уверенно, что каждый, смотря на него, с ходу бы поверил и ещё бы добавил своё свидетельство.– Ей лет пятьдесят. Живёт одна, с котом и собакой. Говорят, муж давным-давно пропал, а кое-кто говорит, что она сама его укокошила и в лесу закопала. Так вот и живёт одна. Со всеми в деревне переругалась раз по сто, если не больше. Всех прокляла и ни с кем не общается. Раньше мимо её дома тропа в лес проходила, так папа рассказывал, что люди другую вытоптали. Вот и стоит её дом особняком, оторванный от всех. Кто рядом жил, переехали, а дома продать не смогли. Так и опустел край деревни.

Сергей закончил свой короткий рассказ. Костя, поморщив брови и пустив облако пара в морозный воздух, пнул ногой сугроб снега. Потом слепил снежку, бросил её в сторону, где жила противная тётка, и сказал:

– Ну, раз так, то пусть и празднует одна, а мы уже намёрзлись. Домой хочу…

Мальчики не совсем уверенно и не совсем бодро пошли в сторону возвращающихся друзей. Те наперебой делились друг с другом впечатлениями. Кто-то показывал пакет с конфетами, которыми обильно угощали люди. Нина Фисенко, самая разговорчивая из всех, постоянно повторяла историю, как её едва не укусила выскочившая из вольера собака. При этом собака в её рассказе всё больше прибавляла в размерах, а опасность быть съеденной разрасталась, как снежный ком.

– Нинка,– не выдержал Гриша Бондаренко,– если твой папа сейчас не приедет за нами, то твоя собака до слона дорастёт…

Дети весело засмеялись. Смеялась и Нина, совершенно не обидевшись на замечание. Сергей с Костей слушали друзей, но смеялись меньше.

– Ну всё, Серёга, прошли мы твою деревню,– бодро заговорил Гриша, – всех поздравили, пора домой ехать. Кстати, вас тут вспоминают хорошо и жалеют, чтоб вы в город переехали.

Было похоже, что Сергей что-то собрался ответить, но Костя, стоящий рядом, толкнул его локтем и незаметно махнул рукой, словно небрежно выбросил пережёванную жвачку. Сергей нерешительно замер, а друзья весело загалдели, увидев свет от фар. Из-за поворота выезжал бус дяди Вити, и дети бросились к нему.

– Ну, как вы тут без меня? Приключений не нашли, пока я машину забирал? Вам для этого и пяти минут хватит. – Большой и краснощёкий, с усами, покрытыми инеем, дядя Витя был похож на Деда Мороза с новогодних открыток. Выходя из машины, он весело улыбался и подмигивал. Таким дети его и знали – жизнерадостным и добрым. Он всегда умел найти с ними общий язык. И в поездках с классами воскресной школы он всегда оставался добрым дядей Витей.
– Папа, а меня чуть собака не съела! – Начала Нина. – Она выскочила из вольера и побежала на меня! Такая большая, как…
– Слон! – успел вставить Гриша и все, вместе с Ниной и её папой, рассмеялись.

После того как смех стих, дядя Витя вытер заслезившиеся глаза и, обратившись к Сергею, спросил:

– Ну что, всех поздравили? Никого не пропустили?

Сергей замер в нерешительности, но словоохотливый Гриша не дал затянуться неуверенной паузе и вставил.

– Да, всех до одного! Дошли до самого края. Тут и деревни-то полторы улицы на сто домов.
– А от конфет сил отказаться не хватило? – спросил дядя Витя, не переставая улыбаться и рассматривая полный пакет в руках у одного из мальчиков. – Мы-то поздравляем людей не ради конфет, а для благовестия.
– Отказывались, отказывались…

Тут все, кроме Сергея да Кости, хором заговорили, размахивая руками и доказывая, что конфеты в пакете люди давали от доброго сердца, особенно

после того, как слышали рождественские песни. Только два друга стояли молча да украдкой переглядывались. Сергей что-то кивал Косте, а тот отрицательно крутил головой, будто не соглашался.

Дядя Витя добродушно махнул рукой в сторону пакета.

– Принять добрый подарок в ответ на доброе дел не грех. В машину все. В Доме молитвы уже чай стынет, а мы тут под фонарями греемся!

Дети шумной гурьбой полезли в бус, набиваясь в него и толкая друг друга. Дядя Витя сел за руль, а рядом с ним на передние два сиденья уселись Сергей с Костей. Они опять начали перешёптываться, споря друг с другом, а машина тем временем завелась и начала разворачиваться.

– Так, значит, весь посёлок поздравили, теперь можно и домой.

Дядя Витя говорил сам себе, крутя руль и маневрируя на узкой, прочищенной от снега улице.

– Не все, ещё один двор остался, -

вдруг вырвалось у Сергея, и он виновато опустил голову. Костя, сидевший рядом, побеждённо съёжился. Машина сразу остановилась.

– Как остался? – Дядя Витя удивлённо посмотрел на Сергея, потом повернулся к остальным и спросил. – Гриша, ты же сказал, что всё прошли.
– Точно всё. – отозвался Гриша, и его голова протиснулась между спинками сидений. – До конца дошли.
– Нет, не до конца. – Сергей повернулся и показал в сторону леса. Машина была развёрнута только на половину и стояла поперёк улицы. – Там есть ещё один дом, метров через сто. Только дороги нет, летом тропинка одна, и та забитая и забытая.

Сергей начал рассказывать про женщину на краю деревни, про то, как она ни с кем не хочет общаться, всех проклинает и всем зло делает. В машине стояла тишина, никто не перебивал, и даже Нина слушала, открыв рот, забыв про собаку.

Когда Сергей закончил давать характеристику женщине, живущей на краю села, дядя Витя немного помолчал, а потом заговорил:

– Господь так устроил, что о рождении Христа узнали не только пастухи или мудрецы, но и Ирод – жестокий человек. Думаю, что Бог хочет дать шанс каждому, даже самому злому. Ведь Он и родился для того, чтобы злых сделать добрыми,– и, хлопнув рукой по рулю машины, твёрдо добавил,– Надо идти. Далеко?

Сергей сразу выпрямился, словно мешок с песком сбросил, и бодро ответил:

–Недалеко тут. Просто придётся через сугробы пробираться. Я покажу дорогу.

Дядя Витя развернул машину, и детвора сразу высыпалась из неё, побежав в сторону леса. Всем не терпелось посмотреть на «тётку», которая не боится жить в стороне от людей, постоянно со всеми ссорится и всех ненавидит.

Там, где закончилась улица, Сергей повернул вправо и показал, куда им идти дальше. Невдалеке, за оврагом, виднелись тёмные очертания домов. Свет нигде не горел. Казалось, что и небо над этой заброшенной частью деревни было мрачнее. Но это никого не остановило, и все поспешили в ту сторону.

Добрались быстро, хоть и не без труда. Недавно выпавший снег был рыхлым и нетронутым. Дядя Витя с мальчиками пробивали дорожку, а девочки гуськом шли следом. Заброшенные дома, выросшие из сугробов, тоскливо смотрели на идущих детей через разбитые окна.

Дом, к которому подошли дети, стоял обособленно. Слабого лунного света было достаточно, чтобы понять: этот дом давно не знал руки хозяина. Покосившаяся печная труба не струилась дымом, крыша в некоторых местах просела, а забор, если бы не сугробы, в которых он утонул, наверное, упал бы.

– Странно, дыма нет,– сразу заметил Костя, который пробирался впереди всех, уступая только дяде Вите.
– И свет не горит,– добавил Гриша.
– Нет, горит... будто бы ночник за шторой, смотри внимательней, – Сергей показал на дальнее окно, в котором видно было слабое мерцание, растворяющееся в свете луны.

Дядя Витя с детьми некоторое время в нерешительности стояли у покосившейся калитки. Дом производил впечатление брошенного. Снег во дворе не был вычищен и даже от калитки к дому не тронут. Только слабый свет в окне давал надежду на то, что в доме кто-то есть.

– У неё собака злющая была,– нарушил молчание Сергей.
– Такой злющей, как та, что Нину чуть не слопала, нет в природе. – Гриша, наверное, хотел ещё что-то добавить, опять пошутить, но воздержался.

Дядя Витя глубоко вздохнул и крикнул: «Хозяйка!»

Его голос утонул в темноте. А ответом послужил жалобный звук – скулила собака, будто просила помощи.

Не тратя времени, дядя Витя толкнул калитку и, сметая за ней снег, приоткрыл на треть. Этого было достаточно, чтобы пройти. Он ещё раз крикнул. Снова раздалось жалобное скуление. Потом из будки, стоящей рядом, выбралась огромная собака и принялась выть, смотря то в сторону гостей, то в сторону дома. Она словно жаловалась на трудную долю, просила помощи.

Сергей, стоявший в этот момент за спиной дяди Вити, подался вперёд и удивлённо сказал:

– Да этого зверя вся деревня боялась! Что с ним?
– Беда никого не делает сильным, – сказав это, дядя Витя медленно пошёл к двери, не забывая посматривать в сторону собаки. А та, словно всё понимая, принялась прыгать, лая и скуля, виляя при этом хвостом.

Дверь была закрыта. Дядя Витя постучал и снова позвал хозяйку. Но никто не отвечал. Тут собака поджала хвост, съёжилась и смолкла. Стало тихо. В этот момент все услышали, как из глубины дома кто-то просил о помощи. Еле слышно, обессилено пробиваясь через окна, звучал слабый крик: «Помогите!»

Дядя Витя надавил на дверь, но она была закрыта. Он попытался её толкнуть, но она не поддалась. Похоже, что дверь оказалась единственно крепкой частью этого дома. Тогда он пробрался к окну, откуда зов о помощи был слышен лучше всего.

– Как к вам попасть? Дверь закрыта…

«Она заперта, – послышалось изнутри,– Выбейте стекло! Я замерзаю, не могу подняться! Спасите! Не бросайте меня!».

Дядя Витя позвал Сергея и, выбив стекло в раме коридора, помог мальчику пролезть в дом. Сергей открыл дверь и впустил остальных. Зайдя, они увидели жалкую картину – на холодном полу, легко одетая, лежала бедная женщина. Подняв ослабевшую, дрожащую руку, она просила помощи. Рядом с ней мяукал рыжий кот, который тёрся о хозяйку и подозрительно косился на гостей. Давно остывшая печь только напоминала о тепле, но его не давала. А хозяйка всё тряслась от холода да со слезами на глазах охрипшим голосом молила: «Люди добрые, не бросайте, спасите, замерзаю!»

Как выяснилось, ещё вчера вечером она хотел поменять лампочку и, взобравшись на табурет, потянулась, чтобы выкрутить старую. В этот момент ножка табурета треснула, и бедная женщина рухнула на пол. Подняться она

уже не смогла. Печь была затушена, и дом уже успел остыть до предела. А так как хозяйка ни с кем не общалась и к ней никто не заходил, то и пролежала она всё это время без надежды на спасение, с ужасом понимая, какая участь её ожидает. В отчаянии она пыталась рукой дотянуться до кровати, чтобы взять одеяло и укрыться, но боль во всём теле не позволяла ей свободно двигаться, и она медленно замерзала.

Дядя Витя сразу послал Сергея с Костей в село, к знакомым, чтобы вызвать скорую. Мальчики пулей выскочили из дома. Пробираясь через пустырь, Костя виновато заговорил:

– Из-за меня она чуть не замёрзла. Зря я тебе мешал сказать сразу за этот дом.
– Ты тут ни при чём,– ответил Сергей, обгоняя друга, — это же я наговорил такого, что отбил тебе желание туда идти. Ну слава Богу, что всё пошло, как надо.

Тем временем девочки аккуратно обложили хозяйку одеялами, заварили в электрочайнике чай и напоили её. Мальчики растопили печку и спасительное тепло быстро заполнило комнаты. А хозяйка, укутанная одеялами, согретая чаем, со слезами на глазах всё приговаривала: «Где ж вы у Бога взялись, где ж вы у Бога взялись?».

Гриша при этом не растерялся и сразу ответил:

– Так у Бога и взялись, нас Бог к вам и послал, чтобы мы вас с Рождеством поздравили.

После этого, в ожидании скорой, хозяйка услышала много о рождённом Христе. Дети ей прочитали много стихов и спели много песен. И видно было по её просветлевшему лицу, что тепло Рождества согрело ей не только тело, но и сердце.

Станислав Чуб.